

ЛЕЙЛА БЕГИМ

Оранжевая

МИНИАТЮРА

Мальчик робко вошел в шумный многолюдный дом.

Отовсюду доносились крики. Ароматы специй и обедов вперемешку с запахом кошачьей мочи били в нос.

Строительная пыль, идущая столбом из распахнутой настежь парадной двери, не давала дышать.

Он на минуту затаил дыхание, зажмурил глаза и крепче прижал к груди небольшой стаканчик, из которого смущенно выглядывали головки белых соцветий.

Недолго размышляя над тем, что ему следует поторопиться, он открыл глаза, сделал глубокий вдох и поспешил наверх. Винтовая лестница, похоже, была бесконечна. Наконец он оказался на лестничной площадке, ведущей в длинный, похожий на туннель коридор с множеством дверей.

На лестничной площадке собрались дети, о чем-то горячо споря.

Он остановился. Прислушался. Склонившись над телефоном, три хорошенькие девочки-подростка спорили над фотографией.

– Да-да! Вот так – подкороти ещё нос!

– Ну, ты с таким носом на Чебурашку похожа!

– Так лучше на Чебурашку, чем на Шапокляк, – захихикала одна из девочек.

– Сами вы крокодилы! Отдайте телефон! – воскликнула девочка, минуту назад просившая подкоротить нос. Выхватив из рук подруги телефон, она резко повернулась и оказалась лицом к лицу с ним.

– А ты что разинул рот? Подслушиваешь?

– Простите, я только хотел пройти и услышал ваш спор. Вы все такие красивые!

– Да пошёл ты!..

– Красивые! – скорчив гримасу, передразнила его вторая девочка.

Он, густо покраснев, ещё крепче прижав к груди драгоценный сосуд с цветами, поспешил дальше.

«Прочь отсюда! Наверх!» – подумал он.

– Посмотри на эти жалкие цветочки в стаканчике! Смотри, не пролей воду! – бросила вслед Шапокляк.

«Точно ведь, Шапокляк. Чебурашкой ей никогда...»

Но мысль свою он не успел закончить.

Сверху лилась божественная мелодия. Вместе с ним замороженно, выгнув спинки, приподняв свои белые головки, цветы слушали музыку. Они тянулись вверх. Наливались силами.

Глаза мальчика наполнялись слезами. Когда эти волшебные звуки смолкли, он опять поспешил наверх. Винтовая лестница вела его с этажа на этаж, на каждом из которых появлялись люди, но они, словно призраки, проплывали, не замечая его.

Наконец на самом верхнем этаже дома показалась дверь. Одна-единственная. Оттуда с любопытством глазел черный пушистый котёнок. Он напоминал моллюска, выглянувшего из своей спиральной раковины.

«А ведь и весь дом со своими жителями напоминает большую улитку», – улыбаясь своей мысли, он робко постучал в открытую дверь.

– Дверь открыта. Входите, – ответила молодая девушка.

Внезапно мальчик почувствовал, что он стал расти. В прихожей, увидев в зеркале отражение взрослого юноши, он стал уверенней себя чувствовать.

– Простите, это здесь играли?

– Да. Это я играла. Хотите, я сыграю вам ещё что-то из своего?

– О, да! Пожалуйста!

Девушка знаком пригласила его в комнату.

– Какие очаровательные цветы! Подснежники?

– Да. Я ищу оранжерею. Мне сказали, что в этом доме, на мансарде, есть оранжерея. И здесь можно посадить эти цветы.

– Верно. Можно. Это моя оранжерея. А кто вам сказал об этом?

– Девушка из сна. Но я ее не запомнил. Кроме того, что она была глуха. Зато четко помню адрес: улица Нежданная, 25.

– Так значит, это была я! – звонко рассмеявшись, ответила девушка.

– Вы глухи?

– Да. Я читаю ваши слова по губам. Гостей встречает мой котёнок. Если он бежит к двери, то я знаю, что пришёл посетитель. Дверь я не запираю даже на ночь.

– Но как вы пишете музыку?

– А как Бетховен ее писал? Не знаю. Музыка я слышу. Это единственное, что я слышу.

«И слава Богу», – тяжело вздохнув, подумал юноша. Но вслух произнес:

– Поиграйте мне, пожалуйста ...

Девушка села за фортепиано. Вскинув над инструментом тонкие кисти рук, напоминавшие тюльпаны, она слегка покачнулась и ласковым, но властным движением оживила находящиеся в ожидании клавиши. Черное-белое-белое-черное-вверх-вниз-вверх и снова вниз – как на качелях, раскачивающихся над всем домом, они летели вместе с нотами. Перебирая все цвета – от белого к черному, от черного к белому.... От тихой, светлой грусти через пронзающую до острой боли черную тоску к летящему на белых крыльях надежды ощущению счастья, которое в последнее мгновение таяло, и снова нарастали боль и тоска...

Когда музыка стихла, юноша плакал.

– Почему ты плачешь? – она незаметно для них обоих перешла на «ты».

– Мне было очень больно... И вместе с тем так прекрасно...

– Все прекрасное когда-то становится привычным. Но когда и оно заканчивается, наступает боль. Это неминуемо. Идем, посадим цветы? Я мечтала о подснежниках. Их как раз у меня в оранжерее не было. Наверное, поэтому я тебе и приснилась.

– Идем.

Она взяла его за руку, и они поднялись дальше по винтовой лестнице.

Наверху юноша ахнул. Он не ожидал увидеть такую яркую, большую оранжерею. Вот ведь, действительно, улица Нежданная!

Девушка, стоя с ним рядом, не могла читать по губам, но она уловила его реакцию.

– Да! – любясь оранжереей, ответила она. – Мне есть, чем восхищаться. Я люблю цветы, и они любят меня. А еще они любят мою музыку.

– Еще бы не любить! Посмотри, что стало с моими подснежниками! Они буквально окрепли на глазах.

– Ну, вот и самое время их пересадить.

– Выбирай горшок.

– Можно этот черный?

- Конечно. А почему ты выбрал черный, знаешь?
- Интуитивно.
- Ты все верно выбрал. Теперь он уже не будет смотреться черным. – Она по-двинула к нему горшок. – Давай, займись делом.
- Бережно посадив цветы и отряхнув испачканные землёй руки, он облегченно вздохнул.
- Ну вот, похоже, получилось. Теперь они будут цвести не раз в год в феврале, а круглый год! Спасибо, что ты приснилась мне!
- И тебе спасибо, что зашел ко мне на Нежданную. Ты знаешь, по этому адресу живёт много семей. Но никто из них ни разу не поднимался ко мне.
- Да, я встретил пару человек в дороге. Почему они не заходят?
- Они пока не осознают, насколько нежданна их жизнь... Не знают о существовании этого этажа. Они его не видят. Музыка мою не слышат. Таких, как ты, очень мало. Видишь эти цветы? Каждый из них посажен таким, как ты. Вы приходите сюда, в оранжерею, с одной целью – посадить свои цветы. Но очаровавшись, остаетесь. Потом снова покидаете ее... Чтоб вновь когда-нибудь возвратиться. С новыми цветами. Оранжерея разрастается. Постепенно аромат этих цветов вытеснит все те запахи, которые ты ощущал внизу. Музыка заполонит весь дом. И жители дома наконец услышат ее. И поднимутся ко мне.
- Чтоб насладиться прекрасным. Я не хочу отсюда уходить. Можно, я останусь здесь? Я буду помогать тебе. Ухаживать за цветами.
- Конечно. Ты можешь остаться здесь до того момента, пока не почувствуешь, что должен уйти.
- А когда я это почувствую?
- Ты же находишься на улице Нежданной. Не загадывай. Просто живи.

ФОТИС

Эссе

Дорога долгим серпантинном стелилась в гору. В лучах осеннего солнца она переливалась змеей, отражаясь в сонном сознании лабиринтами, по которым я все ещё бродила в надежде на встречу с Минотавром... Сколько любви и сколько ненависти скрыто в развалинах Кносского дворца? Сколько легенд и сколько правды?...

***Там, где в шрамах камней – лабиринты и счастья, и горя,
горизонт – золотой, но горчит молодое вино...***

- ответил мне Голос, звучащий обычно в самую неподходящую минуту.
- Надо записать, – только подумала я, как в этот момент Ирина Анастасиади – президент творческого фестиваля, на который съехались писатели из разных частей света, – объявила о том, что мы доехали до места назначения.
- Друзья, выходим. Те, кто хочет подняться пешком к пещере Зевса, идут за мной. Кому сложно подниматься пешком, могут взять ослика. Те, кто не желает идти, утомились в Кноссе, могут подождать нас в таверне, – объявила она и вышла из автобуса.
- За ней последовали практически все.
- И только трое оторвались от основной группы в поисках ослов. Очень скоро наша смелая троица дошла до «ослиной» станции. В стойле нас ожидали три красавца, морды которых были украшены цветными оберегами и бубенчиками.
- Как на заказ. Каждому – по ослу.

Ко мне подошёл проводник с глубокими карими глазами и подвёл к чёрному четвероногому. Как мне показалось, в его тоскливом взгляде разгорелся огонь.

– Осла зовут Фотис, – объявил проводник. – Он любит, когда к нему обращаются по имени и хвалят.

– За этим дело не станет. А это безопасно? – спросила я, бросив обеспокоенный взгляд на крутой подъем, по которому нам предстояло подняться.

– Абсолютно, – уверенно ответил проводник.

Я победоносно оседлала осла, улыбнувшись воспоминаниям детства, в которых мама, сев на осла, впервые встретила моего отца. Это было на пляже кардиологического санатория в Бильгя. Папа порой шутил: «Надо же было осла выйти ко мне на дорогу...»

Из прошлого меня возвратил мой статный спутник, который, как библейский герой, выбрал себе белую ослицу.

– А у вас в Баку есть ослы?

– Они есть повсюду. Разве не так? – не без лукавства спросила я.

– Ну разве стану я с вами спорить? Повсюду, так повсюду, – благородно улыбаясь, заключил он, и наша ослиная процессия тронулась в путь.

Впереди гордо гарцевал осёл, игриво размахивая своим шоколадным хвостом. Его наездница уверенно держалась в седле, явно довольная своим выбором.

Мой осел был покладистым и действительно падким на похвалу. После каждого моего «Bravo, Fotis», он встряхивал своей блестящей гривой, игриво двигал ушами и ускорял шаг.

Очень скоро мы поднялись на тропинку, откуда справа открывался вид на горы и долину, поделённую на квадратики, напоминающие звенья лабиринта...

– Удивительная земля! – восхищенно воскликнула я.

Проводник, все это время с трудом изъяснявшийся со мной по-английски, видимо, не нашёл, что ответить, но одобрительно кивнул головой. Затем он махнул рукой вниз, указывая мне на что-то...

Внизу, отказываясь подниматься, на месте топталась белая ослица. Ну прямо Валаамова ослица!..

К добру бы... – подумала я.

Проводник покачал головой, соперевживая своей коллеге, которая поддерживала зад ослицы, то ли чтоб помочь упрямыце, то ли – себе, чтоб не скатиться вниз.

– Господи! Помоги... – взмолилась я, но мы уже продолжали путь, и я не имела возможности наблюдать за происходящим позади нас.

Мой чёрный друг излучал свет и тепло, отогнав все мрачные мысли.

Ещё километр, и мы были у цели. Валаамова ослица угрюмо плелась сзади, покачиваясь с боку на бок.

Счастливые, уже позабыв все трудности, мы соскочили с ослов, поблагодарили проводников и пошли дальше пешком к входу в пещеру Зевса.

Вход в пещеру напоминал **ОКО**. Я невольно содрогнулась от собственного сравнения, вспомнив строки из «Одиссеи» Гомера:

«Никогда не являет оку людей там лица лучезарного Гелиос»...

ОКО своим темным, глубоким, магнетическим зрачком потянуло меня за собой – дальше, вглубь...

Винтовая лестница и здесь напоминала лабиринт! Ступеньки были скользкими, блестящими, напоминая чешую змеи. Я еле удерживала равновесие, но ноги, словно ставшие отдельной частью моего тела, вели меня вниз...

По стенам стекала вода – слезы вечности, – подумала я... В это же мгновение я почувствовала холодное дуновение... Дыхание Хроноса?..

***Я услышу ту песнь – колыбельную вечного ветра,
Вереницы стихов, хороводы античных гетер,
И как пахнут дождями грехи Ипполита и Федры...***

– прошептал тот же Голос, звучащий в автобусе.

Надо записать, – подумала я, достав телефон, чтоб наговорить строки в диктофон. Но тут у меня поскользнулась нога... В последующие доли секунды перед глазами проплыли молодые родители, я, бегущая навстречу им, школьные товарищи, мой библейский герой...

– Давайте я вас сфотографирую, – поддерживая меня, предложил высокий брюнет атлетического телосложения.

– О, спасибо! – мгновенно отреагировала я, протянув ему свой телефон.

Я позировала, забыв о всех страхах, стихах, и даже о том, где я нахожусь...

– Пожалуйста, – указав в телефоне на явно удачную свою работу, молодой человек вернул мне телефон. – У вас очень небезопасная обувь.

– Я знаю, – смущенно ответила я, не зная, куда спрятать свои ноги в кожаных шлепках, которые я забыла сменить на кроссовки утром в гостинице.

– Держитесь за меня, пойдем вместе к выходу, – твердо, не спрашивая моего согласия, заявил он.

Как о нас «Одиссею» слагает оживший Гомер,

– ответно прозвенел Голос...

– Лейла. На арабском «Ночь», – представилась я, взяв моего нового друга за руку.

– Фотис. На греческом «Свет».

Передо мной вырос добродушный образ черного четвероногого и мне казалось, что я уже улыбалась не своему новому спасителю, а ему, ведущему меня вверх, где меня жаждали друзья, обеспокоенные моим долгим отсутствием.

По дороге в гостиницу я все же записала Голос на диктофон:

***Мне приснится когда-нибудь остров штормящего моря,
Где песок обжигает ладони, впитавшие соль,
Там, где в шрамах камней – лабиринты и счастья, и горя,
Горизонт – золотой, но горчит молодое вино...
Я услышу ту песнь – колыбельную вечного ветра,
Вереницы стихов, хороводы античных гетер,
И как пахнут дождями грехи Ипполита и Федры,
Как о нас «Одиссею» слагает оживший Гомер...***